

Библиография

Анна Яковец

Часть вместо целого:

ПРИЦЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСПИРОЛОГИИ

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_284

**Angeloch D. Die Realität hinter der Realität:
Verschwörungsdenken als moderne Denkform.**

Marburg: Büchner, 2023. — 188 S.

**Rice J. Awful Archives: Conspiracy Theory, Rhetoric,
and Acts of Evidence.**

Columbus: Ohio State University Press, 2020. — 226 p.

Conspiracy Theories in Eastern Europe: Tropes and Trends /

Ed. by A. Astapova, O. Colăcel, C. Pintilescu, T. Scheibner.

L.; N.Y.: Routledge, 2021. — XVI, 294 p. — (Conspiracy Theories).

Теории заговора особенно востребованы во времена, требующие срочных и конкретных ответов. Знанием ответов эти теории обязаны не специальным источником, а собственной готовности упрощать историческую, политическую и культурную реальность. В теориях конспирологов сложное переплетение макро- и микро-процессов упрощается до элементарного нарратива, где во главе мирового порядка всего стоит один коллективный субъект, интересам которого подчинен ход мировой истории. Однако теория заговора не просто упрощает историю, но и замалчивает свою историчность. Подавая себя как якобы истинное, более правдивое, универсальное знание, конспирология как бы внушает нам, что у нее нет привязки к конкретному историческому «адресу». Именно потому, что теории заговора так хорошо маскируют свою культурную и историческую идентичность, я обращаюсь к тем книгам о конспирологии, которые распознают эту иллюзию. Их авторы прослеживают исторические корни ключевой для современности теории масонского заговора, показывают, как создается эффект очевидности, или предлагают анализ теорий заговоров в конкретном культурно-политическом контексте.

В последнее время в Германии научный интерес к теориям заговора неуклонно растет. При этом книга Доминика Ангелоха «Реальность за реальностью: конспи-

рология как современная форма мысли» — первая немецкоязычная книга, которая содержит в себе историко-идеологический анализ конспирологического мышления и конспирологической эстетики. Прочие издания о конспирологии либо собраны из отдельных статей¹, либо посвящены той или иной волне теорий заговора, либо предлагают синхронный (и прежде всего социологический) анализ конспирологии². Ангелох исследует конспирологию как современную форму мысли, которая берет начало в конкретной теории заговора, а именно в убеждении, будто за всеми мировыми бедами стоит тайное масонское общество. Книга рассчитана не только на специалистов, но и на широкого читателя, желающего разобраться, почему в XXI в. мы продолжаем верить в недоказанное и иррациональное. Кратко и доступным языком автор объясняет, как миф о масонском заговоре сформировал конспирологическое мышление, в чем привлекательность теорий заговора и как заигрывает с конспирологией культурная индустрия. Эти вопросы освещаются в двадцати трех главах, за каждой из которой стоит внушительный блок примечаний и ссылок на дополнительное чтение по теме. В основном тексте автор пунктирно намечает проделанный конспирологией путь от эпохи Просвещения к нашему времени.

Почему же масоны стали вызывать подозрения, которые со временем оформились в грандиозный миф о заговоре? Как объясняет Ангелох, в этом отчасти (но лишь отчасти) виноваты сами вольные каменщики, выдвинувшие в центр своей деятельности идею постижения себя как разумного существа. Высшей обязанностью масона было привести свои мысли и действия в соответствие с моральными законами и постичь тайну просвещенного разума. Эта тайна служила общим этическим ориентиром, но однозначного определения того, что нужно постичь, не было. Поскольку под масонской тайной понималось некое моральное откровение, а мораль не существует вне конкретного человека, каждый был волен понимать под нею что-то

свое. Таким образом, цель масонских собраний действительно была тем, что нельзя разгласить.

Предпосылки для превращения масонов в воплощение загадочного мирового зла начинают становиться яснее: как выясняется, в центре масонства с самого начала стояла абстрактная тайна, которую непосвященные не могли разгадать... из-за ее содержательной пустоты. К этой структурной особенности масонства добав-

-
- 1 См., например, сб.: *Verschwörungsdenken: Zwischen Populärkultur und politischer Mobilisierung* / Hrsg. von F. Hessel, P. Chakkarath, M. Luy. Gießen: Psychosozial Verlag, 2022; *Verschörung Denken: Zeitschrift für Kulturwissenschaften*, Heft 1/2023 / Hrsg. von N. Dinçkal, B. Kuhn, M. Weipert. Bielefeld: transcript, 2023.
  - 2 См., например, анализ теорий заговора вокруг коронавирусной пандемии: *Covid-19: Sinn in der Krise: kulturwissenschaftliche Analysen der Corona-Pandemie* / Hrsg. von J. Beuerbach, S. Gülker, U. Karstein, R. Rösener. Berlin: De Gruyter, 2022. Теориям заговора в России XIX–XX вв. посвящена монография: *Thunemann F. Verschwörungsdenken und Machtkalkül: Herrschaft in Russland, 1866–1953*. Österreich: De Gruyter, 2019. Социологический и этнографический подходы к конспирологии разрабатываются в кн.: *Konspiration: Soziologie des Verschwörungsdenkens* / Hrsg. von A. Anton, M. Schetsche, M. Walter. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2013; *Schink A. Verschwörungstheorie und Konspiration: Ethnographische Untersuchungen zur Konspirationkultur*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2020.

ляются другие, конкретно-исторические причины. Так, пишет Ангелох, в масонских обществах Франции и Германии довольно быстро намечается склонность к мистицизму и оккультизму. Она могла выражаться в поиске исторических предшественников масонства среди рыцарей ордена тамплиеров, библейских старейшин или египетских жрецов, в усложнении ритуалов и символики, а также в слиянии с алхимией и спиритуализмом. Слияние с оккультными науками происходило довольно естественно, потому что французские и баварские ложи формировались в преимущественно антипросветительском климате, где тон по-прежнему задавал абсолютизм в альянсе с католичеством. Членами местных лож в основном были представители знати, недовольные постепенным исчезновением бывшего социального капитала и привилегий и пытались восполнить эту утрату путем создания мистических тайных союзов. А чем больше было этих союзов, тем сильнее они конфликтовали между собой. Со второй половины XVIII в. масонство во Франции и Германии представляло собой конгломерат разобщенных, интригующих друг против друга лож, ведущих бесконечный и бессмысленный спор о рангах и знаках отличия.

Вера в масонский заговор появляется именно в тот момент, когда мистическая фракция масонов становится в глазах правителей воплощением всего масонства в целом. При помощи этого переноса страх блюстителей монархического порядка перед лицом французской и американской (и ранее — английской) революций наконец обрел конкретное выражение. В подрывной деятельности можно было обвинить таинственных масонов, или иллюминатов. К первой трети XIX в. оба этих понятия стали не только взаимозаменяемыми, но и собирательными: так обозначались представители всевозможных масонских лож, розенкрейцеры, яacobинцы и евреи.

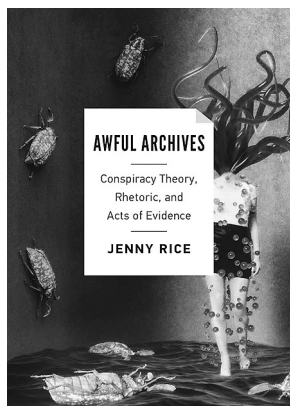
Миф о масонском заговоре проделал долгий путь от слуха, циркулирующего при дворе угасающих монархий, до универсальной модели объяснения международных событий. Этому способствовали историко-политические обстоятельства, а именно зародившийся в XVII в. глобальный миропорядок. Его первичным продуктом были сами масоны как прогрессивно мыслящее меньшинство, чувствующее себя, как уже было сказано, частью нового большого мира. В нем, окинутом сетью производственно-капиталистических отношений и массовых коммуникаций, любое событие способно приобретать невиданные прежде масштабы. Особенно отчетливо это тенденция прослеживается уже в XX—XXI вв., когда исторический процесс приобретает вид цепочки мировых экономических и социальных кризисов — от Великой депрессии до кризиса из-за пандемии коронавируса (с. 55). Едва дело доходит до их анализа, найти виновника, чьи поступки привели к фатальной ошибке, оказывается невозможно, — настолько сложным и комплексным становится любое событие.

К последней трети XX в. субъект как мыслящая и помышляющая единица почти полностью исчезает из гуманитарного знания — после того, как постструктурализм как самая модная теория своего времени берет курс на деконструкцию «метафизики субъективности». «Если раньше, — пишет Ангелох, — гарантом знания в первую очередь выступали субъект и его опыт, то теперь их заменили “структура” и “язык”. <...> Конспирологическое мышление возвращает субъекта в повестку дня. Оно вопрошает о действиях и действующих лицах, стоящих за якобы саморегулирующимися “системами” и “структурами”» (с. 104—105). Конечно, конспирология реагирует на «улетучивание субъектности» весьма своеобразным образом, изобретая заговор и обличая причастных к нему субъектов, несмотря на все попытки заговорщиков сохранить злой умысел в тайне. Тем не менее конспирология может предложить широкой публике то, в чем ей отказывает наука, — однозначные ответы на извечные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» Виновато

всегда злоумышленное меньшинство, замысел которого необходимо изобличить, не дав ему реализоваться. Но что же делать с самой конспирологией? Основную идею книги Ангелоха можно сформулировать так: не следует отбрасывать теории заговора как глупость или безумие. В истории превращения масонов из агентов Просвещения во врагов прогресса отражается парадокс современного мышления. Оно объединяет в себе интерес к новому и страх перед неизвестным, открытость навстречу миру и замкнутость на себя. И книга помогает понять, как и почему разум обращается в свою противоположность.

* * *

Если Ангелох анализирует историческую реальность, в которой сформировался миф о масонском заговоре, то Дженни Райс в книге «Ужасные архивы: конспирология, риторика, доказательность» возвращает нас в настоящее: она рассматривает, как различные теории заговора функционируют сегодня. В центре ее внимания — одна из неизменных, но при этом неочевидных характеристик конспирологического мышления: доказательность.

Принято считать, что доказательство — надежный маркер, позволяющий отличить смысл от бессмыслицы, знание — от предположения, а научный курс — от чуши, в том числе от теории заговора. Райс начинает с того, что развенчивает миф о бездоказательности конспирологического дискурса, опираясь при этом на свои наблюдения, сделанные при погружении в мир конспирологов. Райс путешествует по архивам, разговаривает с «правдоискателями», создателями и приверженцами самых невероятных теорий — от отрицателей холокоста до сторонников мифа о заговоре рептилоидов. Проанализировав собранный материал, автор приходит к выводу, что конспирологи отнюдь не испытывают недостатка в доказательствах.

Чем больше времени Райс проводила среди конспирологов, тем больше ей казалось, что она имеет дело не просто с доказательным, а с гипердоказательным (hyper-evidential) дискурсом:

Мои дискуссии с «правдоискателями» о событиях 11 сентября неизбежно начинались с быстрого обмена фактами, датами, деталями, фотографиями. Одно доказательство о подрыве Всемирного торгового центра моментально обрастало массой подробностей о Бильдербургской группе, иллюминатах, Израиле, инопланетянах, ЦРУ или любых других сюжетах. «Факты» о вреде вакцинации непосредственно подводили к Тонкинскому инциденту, масонам, евреям (с. 65).

Конечно, в теориях заговора аргументация работает иначе, чем в критическом дискурсе. Во второй главе Райс уделяет много внимания тому, как конспирология использует чрезмерное количество данных, чтобы создать «ошеломляющее впечатление доказательности» (с. 67). Даже нарушая сразу несколько логических и риторических законов, подобные утверждения работают, то есть убеждают искателей альтернативной правды в истинности самых невероятных «фактов». Как же это возможно? Как возникает эффект доказательности в теориях заговора?

Понятие «эффект доказательности» (evidentiary effect) появляется в книге случайно. Райс — специалист по риторике, дисциплине, изучающей речевое вы-

сказывание как результат взаимодействия ряда риторических приемов или стратегий. По ее же словам, риторику интересует не что говорит конспиролог, а что делает его высказывания «чушь» (bullshit) в глазах общественности и истинным знанием в глазах приверженцев. Риторика спрашивает, удастся ли теории заговоров убеждать и, в частности, что дает вера в доказательство тем, кто в него верит. Анализируя вместо доказательств эффект доказательности, Райс переносит акцент с содержания теорий заговора на прагматическую успешность процесса доказывания (evidentiary process).

Автор начинает с упоминания о проекте по исследованию экстрасенсорных и телепатических способностей человека «Звездные врата», финансировавшемся ЦРУ с 1978 по 1995 г. Он имеет лишь косвенное отношение к конспирологии — как плацдарм для спекуляций вокруг более секретных программ ЦРУ. Однако этот пример служит автору отправной точкой для объяснения конспирологической доказательности при помощи второго (наряду с эффектом доказательности) ключевого понятия: конспирологический архив.

Несколько лет назад ЦРУ рассекретило и выставило в свободный доступ на своем сайте массив документов по проекту «Звездные врата». Райс описывает взаимодействие с необозримым множеством этих документов как утрату временных и пространственных ориентиров или падением в кроличью нору: «В отличие от требующей сосредоточенности работы, падение в кроличью нору не имеет конечной точки. Одна вещь непременно приводит к другой, другая — к третьей, которая, в свою очередь, ведет к бесчисленному множеству следующих» (с. 47). Особый опыт, который Райс испытала при попадании в «странное переплетение времени и места» (с. 32), в пространство архива, невозможно объяснить содержанием документов. Архив не сводим к сумме своих частей, к ним всегда добавляется особый «клей», который удерживает фрагменты вместе, а субъекта — в сетях архива. На широком спектре примеров — от коллекционирования книг и изготовления фотоальбомов до архивов национал-социализма — Райс показывает, как в создании архива всегда участвует аффект, и любое взаимодействие с архивом тем или иным образом эмоционально ориентирует нас по отношению к действительности в целом.

Размышляя об ауре архива, Райс подходит к объяснению того, как работает аргументация в теории заговоров. Процесс доказывания в конспирологии — это работа по накоплению свидетельств, их суммированию и систематизации, то есть по созданию архива. Взаимодействуя с ним, субъект больше не может мыслить и ориентироваться ясно: его затягивает в водоворот всеохватывающей интерпретации, которая связывает все со всем. Это головокружительное вращение — «падение в кроличью нору» — составляет отличительную особенность конспирологической эстетики, но не исчерпывает ее. Удовольствие от нескончаемого дрейфа по архиву подпитывается идеей целостности и полноты, и тотальное множество конспирологических объяснений как одна из разновидностей архива не исключение. Собирающие доказательства ведут не просто к разрастанию материала: процесс архивирования, суммирования, сложения уплотняет архивную ауру, позволяет архиву предстать как нечто устойчивое, цельное и исчерпывающее.

Собирательный образ мирового зла — один из результатов и эффектов архивной ауры. Как и сам архив, он одновременно обобщенно-единичен и многолик: в глазах конспирологов извечный враг человечества предстает из раза в раз в различных обликах, или фигурациях. Такими фигурациями зла, циркулирующими в массовом сознании, оказываются, например, евреи, масоны, глубинное государство, Ротшильды, ЦРУ и т.д. Райс заимствует понятие фигурации из риторики, где оно означает «элемент языка, позволяющий смыслу повторяться через заме-

щение»³, и расширяет его до масштабов эпистемологической категории. Фигурация наделяет реальность смыслом, превращая незнакомое в знакомое, а случайность — в закономерность. Райс объясняет этот процесс на одном из самых невероятных примеров теории заговора. По версии британского публициста Дэвида Айка, 44-й президент США Барак Обама на самом деле не человек, а рептилия внеземного происхождения, принимающая человеческий облик, чтобы поработить землян. Аик учит своих последователей, что хотя рептилии умело маскируются под людей, однако сам момент перехода из рептилоидной формы в человекоподобную можно разглядеть на некоторых видеозаписях, например размещенных на популярном видеохостинге: на долю секунды лицо расплывается в пятно, а глаза становятся неестественно черными. Этот эффект, как объясняет Райс со ссылкой на экспертов, возникает в результате простой случайности, технического сбоя при сжатии видео, но для конспирологов случайность становится источником новых значений, новых фигураций: из человека Обама превращается в Чужого, из американца — в Другого!

Рассмотрев проблемы конспирологического архива и гипердоказательности конспирологических объяснений, а также то, как отсутствие доказательств может становиться в глазах сторонников теории заговора свидетельством их правоты, Райс обращается к вопросу о том, как реагировать на доказательства конспирологов. Победить последних на их же поле, приводя в ответ разумные доводы, невозможно. Природа конспирологического архива такова, что он способен поглощать направленные против него аргументы и превращать их в доказательство своей истинности, «архивировать» их. Несколько перефразируя Райс, можно сказать, что случае с конспирологией контраргументы не работают потому, что архив как величина не ссылается ни на что за пределами себя, — лишь на собственный сентимент, на воображаемую целостность мирового зла. Райс предполагает, что единственная подходящая реакция на доводы конспирологов — реакция неподходящая. Пример с внеземным происхождением американского президента подсказывает ей следующую тактику. Если теория заговора создает фигурации, то наша задача состоит в их разрушении, то есть в дисфигурации. Ее смысл в том, чтобы демонтировать существующие фигурации и таким образом «порвать с predetermined способами мышления» (с. 134). Дисфигурация блокирует узнавание и заставляет проявиться нечто иное, неразличимое. Оно бьет под дых, потрясает, прежде чем у нас появляется шанс опознать его. Но как именно можно дисфигурировать (обезобразить и демонтировать) миф о заговоре рептилоидных гибридов, которые угнетают и порабащают людей, чтобы утвердить свое мировое господство? Райс описывает, как она часами смотрела в интернете домашние видеозаписи людей, рассказывающих о встрече с пришельцами-рептилоидами. Их рассказы обнаруживают все черты конспирологического мышления и параноидального отношения к реальности. Но эти соответствия не расскажут нам ничего нового, как и любые фигурации, они лишь позволят узнать в авторах видеороликов конспирологов. Поэтому Райс переводит взгляд на частности, намеренно не замечая в видеосвидетельстве главного — рассказа о встрече с рептилоидом:

Я слышу депрессию и беспомощность. Я слышу, как люди описывают собственные трансформации. Я слышу, как они рассказывают историю незнакомцам. Как они размышляют о вере и неверии. Я замечаю, что иногда они улыбаются во время монолога, а иногда нет. Я слышу, как два человека описывают свои способы осмыс-

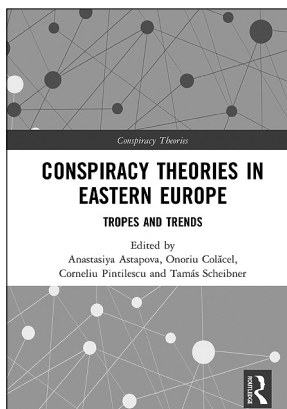
3 *De Man P. The Rhetoric of Romanticism. N.Y.: Columbia University Press, 2000. P. 114–115.*

ления институтов, заставляющих их чувствовать себя бесправными, а также то, как они находят (заново) способы обрести чувство силы в этих пространствах (с. 144).

Описание дисфигурации может напомнить о формалистском приеме остранения. Разница между остранением — особой, «неузнаваемой» установкой восприятия — и дисфигурацией в том, что цель последней не создать новую, странную целостность, а оставить пробелы между частями распавшегося образа. В заключительной главе эта мысль заостряется применительно к архиву. Архив как тотальность отступает на задний план, его контуры размываются и обнажают лакуны, беспорядок плохо прилаженных друг к другу частей. Но этот беспорядок отнюдь не плох: он прерывает ход машинальных суждений, выбрасывает нас из действительности в пространство потенциального. Такой тип мышления, основанный на креативном, домысливающем отношении к фактам, позволяет проявиться неожиданному и немислимому — тому, что застанет врасплох даже того, кто имеет ответ на все вопросы.

* * *

Быть регионально специфичной — не в правилах конспирологии: она претендует на тотализирующий эффект, преодолевающий границы, в том числе политические. Тем интереснее (избрав тактику, обратную той, которую она пытается навязать) рассмотреть ее в конкретном историко-политическом контексте. Эту задачу и ставят перед собой авторы сборника «Теории заговора в Восточной Европе: общие места и тренды», вышедшего в издательстве «Routledge» в серии «Теории заговора». Ранее в этой серии были выпущены, в частности, «Справочник по теориям заговора» (2020) и книга Тодора Христова «Невозможное знание: теории заговора, власть и правда» (2019), уже зарекомендовавшие себя в качестве пособий для изучения конспирологии⁴. Сборник же продолжает собой ряд культурно-специфических исследований теорий заговора, представленных в серии: их география охватывает (наряду с Восточной Европой) Латинскую Америку, Турцию и Скандинавию.

Во Введении составители пишут, что, поскольку конспирологические нарративы постсоциалистического пространства по-прежнему мыслятся общественностью отдельно от всех остальных и, как правило, циркулируют исключительно внутри той или иной страны, посвященные им исследования фрагментарны и практически не учитывают выводы друг друга. На эту разрозненность накладывается общая для конспирологии проблема: само понятие заговора дробится и поляризуется в различных подходах. Так, в теории заговора могут видеть и патологическую форму мышления сродни паранойе, и альтернативный способ осмысления исторической действительности. Наконец, сложности возникают и при использовании понятия

«Восточная Европа». Сохраняющуюся до сих пор периферийность восточноевро-

4 Routledge Handbook of Conspiracy Theories / Ed. by M. Butter, P. Knight. L.; N.Y.: Routledge, 2020; *Hristov T.* Impossible Knowledge: Conspiracy Theories, Power, and Truth. L.; N.Y.: Routledge, 2019.

пейских стран авторы воспринимают как возможность понаблюдать за хождением конспирологических теорий вне западного мира. В этом регионе социополитической нестабильности, где за последние тридцать лет Запад успел превратиться из врага в союзника и — в некоторых странах — снова во врага, коллективное воображение ищет свои, противоположные официальным способы объяснить происходящие события. Авторы придерживаются второго из указанных выше понятий теории заговора: вместо того чтобы стигматизировать конспирологическое мышление, они задаются вопросом, как и почему возникает потребность в нем.

В каждом из четырех разделов освещается определенный аспект конспирологического творчества в восточноевропейских странах. В первом рассматриваются теории заговора, возникавшие в годы холодной войны в Советской Украине, а также в аппаратах коммунистических партий СССР, Франции и Италии. Автор первой статьи, Анастасия Астапова, документирует теории об аварии на Чернобыльской АЭС (1986), показывая, как менялись со временем их форма и риторика. Так, первой реакцией советского правительства было обвинение в аварии ЦРУ США, которое якобы попыталось деморализовать население и оклеветать советскую власть. После 1989 г. возникли «постколониальные» конспирологические нарративы: виновницей (сознательной или нет) выступала Советская Россия, а основными пострадавшими — Украина и Беларусь. Подобные теории, по словам Астаповой, активно распространялись среди представителей националистических движений в Украине и Беларуси и послужили основой для агитационной риторики в период первых президентских выборов в этих странах.

Теории заговора множатся в эпохи социальной и политической нестабильности: за стремлением найти «скрываемое от нас» объяснение переломного события может стоять желание вновь обрести контроль над происходящим и укрепить позитивный образ собственного «я». Паскаль Жирар подтверждает в своей статье это наблюдение, показывая, как КПСС в ответ на утрату политического влияния в послевоенных Франции и Италии прививала через Коминтерн конспирологический менталитет местным коммунистам. Коминтерн учил коммунистов, что невозможно быть излишне бдительным, когда партия окружена внешними врагами и ослаблена внутренними, к которым в разные годы относились фашисты, троцкисты и титоисты. Попытки пересадить советские теории заговоров на западную почву не увенчались успехом. К схожему выводу приходит и Анна Кирзюк в статье о позднесоветских конспирологических теориях, направленных на дискредитацию диссидентского движения.

Второй раздел посвящен теории мирового еврейского заговора, которую авторы анализируют как вариацию на общую для восточноевропейского конспирологического дискурса тему «внутреннего врага». Один из главных выводов состоит в том, что образность и риторика антисемитской конспирологии передается из поколения в поколение практически без изменений. Так, анализируя миф о еврейском заговоре как одну из центральных тем современного политического дискурса в Польше, Доминика Бульска, Агнешка Хаска, Миколай Виньевский и Михал Билевич отмечают: около половины поляков согласны как минимум с частью конспирологических утверждений о евреях, и этих убеждений придерживаются представители разных поколений (с. 130). Авторы также пишут, что рассматриваемый миф служит прототипом для других теорий заговора в польском медийно-политическом пространстве, то есть любой заговор оказывается в конце концов заговором евреев против религиозного и национального большинства в Польше. Исследователи заключают, что всякая теория заговора выполняет как минимум три функции: дает объяснение происходящему, компенсирует беспомощность в период кризиса и оберегает коллектив от утраты идентичности (с. 135–138). Но интересно,

что и в Венгрии начала прошлого века, и в современной Польше теория еврейского заговора работает не столько на сохранение прежней идентичности, сколько на создание новой. Нация осмысляет себя как жертву еврейского заговора, в случае с Польшей — как жертву якобы преувеличенных страданий евреев от холокоста. Этот парадокс мышления не уникален: так, в статье Антиповой отмечается, что подобная тактика использовалась и при отрицании последствий Чернобыльской катастрофы; к слову, то же можно наблюдать в поведении отрицателей ВИЧ и ковида. Как это часто бывает в негационистской, то есть отрицающей, конспирологии, отрицатели холокоста в Польше не просто отказывают евреям в статусе жертвы, но еще и присваивают его себе.

Авторы третьего раздела прослеживают, как нарративы жертвенности формируют конспирологическое мышление в многонациональных государствах Восточной Европы — на материале новейшей истории стран бывших СССР и Югославии. Так, в первой статье речь идет, в частности, о том, как сербы и хорваты «альтеризируют» (othering) и вменяют друг другу вину за распад Югославии, чтобы не нести ответственность самим. В отличие от антисемитской риторики и конспирологии в Польше, в странах бывших СССР и Югославии теории заговора превращают в «плохого» Другого того, кто раньше был «своим», то есть воспринимался как представитель братского/единого народа. За распадом политической целостности последовал распад общей системы ценностей. Рассуждая дальше, можно предположить, что этот второй, символический распад прямо влияет на то, как работают конспирологические дискурсы внутри когда-то единых стран: они не только говорят, кого считать своим и чужим, жертвой и преступником, но и на национальном уровне предписывают определенное отношение к сказанному. Иными словами, представитель коллектива не может считаться «своим», если он сомневается в истинности теории заговора.

В заключительной части исследуется связь между конспирологическими нарративами и популизмом. Использование антисоросовских теорий заговора ультраправым политическим сектором в Венгрии 1990-х гг. и наших дней — тема статьи Корнелиу Пинтилеску и Атилы Кустан Магъяри. Сравнивая две волны конспирологии, авторы заключают, что более поздние теории этого заговора демонстрируют не столь явный антисемитизм и изображают Сороса скорее как представителя злоумышленных мировых элит. Без ответа, однако, остается вопрос, вынесенный в название раздела: как именно страны Восточной Европы встраиваются в глобальный обмен теориями заговора? Имеют ли внутренние теории заговора вес за пределами конкретных стран? Отсутствие ответа указывает на одно из слепых пятен сборника — на оставленный без внимания медийный аспект обмена (исключение составляет статья Онориу Колэчел «Теории заговора на молдавском телевидении»). Если, как писал Ангелох, конспирологическое мышление появляется одновременно с массовыми коммуникациями, то разные их виды (газета, радио, телевидение, соцсети) формируют разные конспирологические культуры, в которых с одинаковой активностью участвуют представители разных поколений.

Сборник «Теории заговора в Восточной Европе» позволяет читателю сделать множество ценных наблюдений, особенно если читать его творчески, сопоставляя выводы и прослеживая периферийные темы. Так выясняется, что один из сюжетов первого раздела — разные судьбы теорий заговора, спущенных сверху и возникших спонтанно. Наибольший теоретический интерес вызывает статья Тодора Христова «Открытый секрет: масонство и правосудие в постсоциалистической Болгарии», в которой предлагается рассматривать конспирологию как проявление сверхдетерминации на коллективном уровне. В психоанализе под сверхдетерминацией понимают переизбыток причин, каждая из которых могла бы служить самостоя-

тельным объяснением наблюдаемого явления. По сути, Тодоров приходит к тому же выводу, что и Райс, писавшая о гипердоказательности теорий заговора, но излагает его на языке психоанализа: «Теории заговора <...> объединяют причины в бессвязные комбинации, чтобы сформулировать невозможные утверждения, основанные на фантазиях, которые <...> часто принимают форму “так быть не должно”» (с. 121). Это применимо и к другим описанным в сборнике случаям, например к антисемитской риторике в Польше, которая так же слеплена из множества противоречивых убеждений. Если, как пишет Христов, в сверхдетерминированном конспирологическом дискурсе сквозит ностальгия по лучшему прошлому, то о каком лучшем прошлом мечтают поляки?.. Эти и многие вопросы возникают на полях сборника, остающегося в памяти читателя своего рода мозаикой, каждый фрагмент которой замкнут на себя. Вероятно, отчасти это связано с тем, что некоторые статьи были написаны в рамках более масштабных исследовательских проектов и представляют собой точечные комментарии к постсоциалистической истории Восточной Европы. Соединять точки и при этом оставаться чувствительными к тому, что не вписывается в получающийся узор, — задача на будущее как для региональных, так и для всеобщих исследований конспирологии.